

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Ким Иль Чхул. *Чосон минсок тхаль нори ёнгу* (Этнографическое изучение корейских игр в масках), Изд-во Академии наук КНДР, Пхеньян, 1958.

Институт археологии и этнографии Академии наук Корейской Народно-Демократической республики предпринял издание серии публикаций по этнографии. В 1958 г. вышел первый выпуск этой серии: монография научного сотрудника Института Ким Иль Чхула «Этнографическое изучение корейских игр в масках». Автор в течение ряда лет вел полевые исследования и сбор материалов по играм в масках в различных районах Северной Кореи.

В журнале «Мунхва юсан» им были опубликованы интересные статьи, посвященные этому своеобразному виду древнего искусства корейского народа¹.

Рецензируемая работа Ким Иль Чхула является первым монографическим исследованием игр в масках. Она основана на собранном автором огромном полевом материале и на корейских и китайских письменных источниках. Книга состоит из шести глав, предисловия, краткого заключения и приложения. Каждая глава представляет собой отдельный законченный очерк и снабжена солидным научным аппаратом.

В монографии имеются две карты Кореи с указанием районов распространения игр в масках, большое количество иллюстраций и 32 фототаблицы, воспроизводящие танцы в масках, их персонажи, типы масок различных районов Северной Кореи (Понсан, Чхэрен, Кирын) и др. Киринские маски считаются наиболее древними из ныне существующих в Корее².

Как указывает автор в предисловии, рецензируемая книга является первой попыткой этнографического изучения традиций и развития игр в масках. В Корее существует несколько видов игр в масках: «тхаль нори» — народные игры в масках, «сандэ нори» и «огвандэ нори» — театрализованные представления в масках. Игры в масках (иногда корейский термин «нори» переводится как танцы) имеют древние традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Они занимали особое место среди ежегодных народных празднеств, связанных с сельскохозяйственным календарем — началом сева, уборкой урожая, а также в культовых обрядах.

Основное место в книге отведено народным играм в масках — тхаль нори. Изучение народных игр в масках началось в Корее только после освобождения страны. До этого как корейские, так и зарубежные исследователи ограничивались изучением истории театрализованных представлений «сандэ», получивших развитие в Корее в период династии Корё (918—1392)³.

Сандэ, ее истоком, происхождению, формированию и оформлению (сюжет, маски, костюмы) посвящена V глава. Автор на основе изучения древних летописей пришел к выводу, что танцы в масках имели широкое распространение в период Силла (57 г. до н. э.—935 г. н.э.) и развились потом в драматическое представление. Тхаль нори, по определению автора, представляют собой соединение песни, танца, диалога и пантомимы. Автор указывает, что тхаль нори по сравнению с другими видами игр в масках, бытующих среди народа, — «нонак нори» (крестьянские танцы) и «кут нори» (шаманские игры) являются более сложными и стоят на более высокой ступени развития театрального действия. Тхаль нори занимали большое место в народных празднествах. Они обычно продолжались всю ночь и вплоть до конца XIX в. являлись любимым развлечением корейского народа. В играх в масках нашли свое непосредственное выражение жизнь народа, его сознание и чувства.

В первой части книги автор рассматривает вопрос о происхождении масок вообще. Он указывает, что танцы в масках существовали в первобытную эпоху и развивались на основе трудовой деятельности человека. Эти положения подкреплены ссылками на исследования советских ученых (П. П. Ефименко, М. О. Косвен и др.).

Большое место в работе занимает описание и исследование различных видов танцев, особенно игр в масках в провинции Хванхэ (глава VI), где более всего сохранились древние традиции танцев в масках. Там автору удалось найти замечательных исполнителей этих танцев, таких как Ли Ги Ен, Ким Су Чхона и др. В отличие от других районов, танцы в масках этой провинции имеют определенный сюжет. Обычно это довольно сложное театрализованное представление, в котором участвуют танцоры в масках старого монаха, дворянина, шаманки и др.

Игры и маски в каждом районе Кореи имеют свои отличительные особенности. Так, маски района Хэчжу более реалистичны и близки к человеческому облику. Для масок же района Понсон характерны гротескные уродливые или комические образы. Эти маски отличаются яркими, пестрыми красками. Маски делаются из бумаги, тыквы, горлянки и значительно реже из дерева. В книге подробно описываются игры в масках и типы масок различных районов: Понсан, Сохым, Хэчжу, Каннен.

Исторический анализ происхождения отдельных видов масок, и танцев, сделанный автором на основе письменных источников, позволил ему вскрыть различные корни

¹ См. ж. «Мунхва юсан», 1957, № 1, 3, 4, 6; см. также рец. Ю. В. Ионовой «Этнографические материалы в журнале «Мунхва юсан», «Сов. этнография», 1959, № 2

² «Мунхва юсан», 1957, № 6.

³ На русском языке о сандэ см.: «Новая Корея», 1956, № 2.

происхождения тех или иных масок. Автор отмечает наличие в Корее масок, связанных с тотемом, служивших для устрашения врага и имевших культовое значение. Примером маски, связанной с тотемом, может служить маска «льва» — сачжи. Танец льва в Корее сохраняет свое значение и в наши дни. Другие маски животных — коровы, тигра, зайца, распространенные на восточном побережье страны в районе Пукчхон и в провинции Северный Хванхэ, утратили свое былое значение. Автор проделал большую работу по исследованию возникновения и происхождения игр льва в Корее, имеющих широкое распространение, хотя, как известно, львов в Корее нет. Он указывает, что танец льва проник в Корею извне, в эпоху Силла в V—VI вв., и развивался на основе традиций танца тигра, имевшего большое распространение среди народа силла. Впоследствии танец тигра трансформировался, и заимствованный образ льва слился с образом тигра. В народе до сих пор танец льва часто воспринимается как танец тигра (стр. 9). Маска льва обычно делается белого цвета и напоминает иногда морду теленка, тигра или кошки. В тигре, по религиозным представлениям корейцев, воплощается лесной дух. Тигру приписывались сверхъестественные свойства: он мог перевоплощаться в путника, красивую девушку и т. д. В книге отмечается, что вера в лесных духов была распространена в Корее повсеместно очень широко еще 20—30 лет тому назад. Верования, отождествляющие тигра с лесным духом, и обряды, связанные с тигром, уходят своими корнями в глубокую древность. Они сопровождались музыкой и песнями и продолжались несколько дней и ночей. Все это подтверждает, что тигр был тотемным животным. Танец тигра, по мнению автора, мог возникнуть подобно медвежьему празднику у других народов в связи с религиозным представлением о тигре как тотеме. Добавим, что культ тигра нашел отражение и в некоторых обрядах, связанных с охотой на него (костюм, съедание печени тигра перед охотой и др.).

В Корее были распространены и маски воинов, надевавшиеся для устрашения врагов.

Отдельные виды танцев в масках связаны с религиозными ритуалами изгнания «злого духа», как, например, танец «мэгва», исполнявшийся группой людей, которые, играя на народных инструментах (барабаны, флейты), обходили дома. Автор указывает на наличие в Корее религиозных обрядов — «наре» (от китайского слова «на» — прогонять, изгонять бесов) ⁴. Наре в Корее связаны с обрядами заклинания злых духов, и при их исполнении надевались маски, изображающие духов. Некоторые танцы этих обрядов напоминают китайские. Автор подчеркивает большое сходство корейского обряда «тэмен» с древним китайским танцем «пансанси». В обоих случаях надевалась четырехглазая желтая маска и вывернутая шкура медведя. В книге дается подробное описание отдельных классических танцев, бытующих в Корее до настоящего времени, таких как «Чхоенму», «танца с мечами» и др. Танец «Чхоенму» восходит ко второй половине IX в. В то время его танцевали вчетвером, в гротескных масках и сопровождали возгласами. В танце «Чхоенму» автор находит отражение веры в морского духа-дракона. Впоследствии этот танец был драматизирован, и в нем принимали участие до 70 человек. Другой классический танец — «танец с кинжалами» — исполнялся, как сообщает автор, в эпоху Силла и в XIV—XV вв. в маске, которая впоследствии исчезла.

Размеры рецензии не позволяют нам всесторонне осветить вопросы, поднятые автором в его труде. Но и приведенные примеры свидетельствуют о большом научном значении этой работы, содержащей огромный фактический материал.

Работа Ким Иль Чхула ценна не только для специалистов, занимающихся изучением культуры Кореи, но и для широкого круга ученых — этнографов, историков, искусствоведов. В ней содержатся интересные сведения о народном искусстве — танцах в масках, зарождении театрализованных представлений, ранних формах религиозных верований и др. Желателен перевод книги на русский язык.

Ю. Ионова

ЖУРНАЛ «МАДЖАЛЕЕ МАРДОМШЕНАСИ» (1956—1958) *

Выходящий с 1956 г. ежемесячный журнал «Маджалее мардомшенаси» (Этнографический журнал) — орган Музея народоведения в Тегеране. На его страницах публикуются статьи и исследования иранских и иностранных ученых, освещающие различные стороны истории, быта, материальной и духовной культуры народов Ирана в прошлом и настоящем.

⁴ Архимандрит П а л л а д и й, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, ч. 1, стр. 447.

* «Маджалее мардомшенаси». Аз энтешарате эдарее колль хонархае зебае кешвар. Маджалее махиане. Тегеран (Этнографический журнал. Издание Главного управления изящных искусств. Издается ежемесячно). Главный редактор Али Ганибал. Годы издания первый и второй, Тегеран, 1956/57, 1958 (1335, 1337 иранской солнечной эры).